

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10031

Мининкова Л. В.

Великокняжеские репрессии в русской средневековой литературе

Длительный и сложный процесс преодоления раздробленности и политическое объединение страны предполагал острую борьбу с общественно-политическими силами, стремившимися к сохранению старины и традиции в отношениях внутри властной элиты. Не случайно поэтому репрессии против той части знатной верхушки общества, которая пыталась противостоять объединительной тенденции и стояла на пути утверждения нового политического устройства, являлись неотъемлемой частью этого процесса. Подобные явления наблюдались в разных странах Европы, в том числе и в ходе объединения русских земель вокруг Москвы.

Некоторые сведения об этой борьбе и сопровождавших ее репрессиях содержатся в литературных источниках того времени. Они стали одной из тем русской литературы эпохи позднего средневековья. Само по себе появление подобной темы свидетельствовало о ее общественном признании и о стремлении общества к ее осмыслению, а наличие в ней оценочного подхода было ее типичной чертой. Выражением такого подхода были яркие личностные характеристики действующих персонажей, а в отдельных случаях имелись признаки сюжетной линии, что является типичной чертой настоящего литературного произведения.

Тема борьбы московской великокняжеской власти с политической традицией удельного периода и репрессий ее противников из числа высшей знати и приближенных к ним людей прослеживается со времени после завершения династической войны. В это время появляются литературные тексты, отражающие события борьбы между победившим в этой войне великим князем московским и его удельными родственниками. Наиболее отчетливо и ярко эта тема проявилась в Ермолинской летописи и в Летописи Авраамки, в которых описывалась расправа Василия Темного после ареста серпуховско-боровского удельного князя Василия Ярославича с его людьми, которая произошла в 1462 г., перед самой смертью великого князя. Сюжет этого краткого повествования несложен. После ареста Василия Ярославича и заключения его в Угличе группа служивших у него людей, «дети боярские и иные дворяне», хотели «хитростью» освободить своего господина. По приказу Василия Темного они были арестованы. В двух летописях подробно описываются их мучения, которым они были подвергнуты после ареста. Особо подчеркивается, что казнь их была проведена в великий пост, что служило осуждением в адрес великого князя. Сразу же после сообщения об этих казнях рассказывается о смерти Василия Темного, с некоторыми подробностями его болезни перед смертью. Не напрямую, но явно косвенным образом обострение болезни и смерть связывается с казнями, которые были проведены за несколько дней до его смерти по его указанию.

Таким образом, политическая тенденция в этих двух летописных повествованиях с подобным сюжетом, направленная против действий Василия Темного, проявляется весьма отчетливо. Это заметно по явному сочувствию в обоих летописных сводах арестованному Василию Ярославичу, внуку героя Куликовской битвы Владимира Андреевича. К тому же это был удельный князь, с которым у великого князя был союз

в борьбе с Дмитрием Шемякой, а после гибели Шемяки — договор, заключенный в 1454 г.¹ Также с сочувствием к арестованным людям Василия Ярославича описаны их мучения, которым они подвергались по указанию великого князя. Еще одной общей чертой между описанием казни этих людей в Ермолинской летописи и в Летописи Авраамки является указание на удивление, которое она вызвала. При этом в Ермолинской летописи отмечалось, что страшно удивлены и испуганы были видевшие это московские люди. «Множество же народа, видящи сиа, отъ боляръ и от купецъ великихъ, и отъ священниковъ и отъ простыхъ людей, во мнозе быша ужасе и удивлении, и жалостно зрение, яко всехъ убо очеса бяху слезъ исполнени, яко николи же таковая ни слышаша, ниже видеша в Русскихъ князехъ бываемо»², — отмечалось в летописи. Несколько по-иному это удивление отмечено в Летописи Авраамки, где более заметны религиозные мотивы. Так, причина жестокой казни, согласно этой летописи состояла «отъ дьявольскаго наущения», в результате которого «некий человекъ... навади князю Василью Васильевичу за друголюбныя съветники». Но даже дьявол, писал летописец, «видевъ тую кровь друголюбную..., и въздрогнувъся въспоманувъ убо от оной крови огня, и сея убося злый пронырливый»³. Упоминание об ужасе москвичей в Ермолинской летописи не случайно. Летопись принадлежала купцу В. Д. Ермолину, и фрагмент ее отражал мнение о событиях зажиточных горожан. В Летописи Авраамки представлен в большей мере взгляд провинциального духовенства. В обеих летописях подчеркивается, что погибшие служилые люди пострадали за верность своему князю. На это прямо указывается в Летописи Авраамки, где отмечается, что они после ареста князя Василия Ярославича были «в печали». Они вспомнили «его любовь» и готовы были, как верные вассалы, «за друга кровь излияти»⁴.

Несомненна в этих двух летописных повествованиях такая общая черта, как осуждение Василия Темного. При этом помещение сообщения о его смерти от болезни сразу же за рассказом о расправе с серпуховско-боровскими служилыми людьми, в соответствии с логической цепью причинно-следственной связи, близко к средневековой теории казней божьих. Такая казнь могла последовать за грехи⁵, а действия Василия II описаны как явный грех. В качестве такого греха выступала описанная невиданная ранее расправа, и особенно в период великого поста. Еще одним грехом, на который указано в Летописи Авраамки, было то, что он «и отцемъ духовнымъ не велель приступати» к казненным⁶.

С другой политической позиции расправа великокняжеской власти со своими противниками из числа удельных князей прослеживается в дополнениях из официального летописания к Никоновскому летописному своду. Это относится прежде всего к рассказу о выступлении князя Андрея Ивановича и его аресте в 1537 г. В этом литературном повествовании оправдываются и обосновываются все действия правительства Елены Глинской против удельного старицкого князя. По сюжету рассказа, князь Андрей был недоволен тем, что после смерти Василия III малолетний великий князь и его мать, Елена Глинская, «не придали ему городовъ къ его отчине», которой была Старица, хотя, как указано в летописи, он вообще-то получал от великокняжеской власти «шубы, и кубкы, и кони иноходцы въ седлехъ». Его недовольство усиливали некие «лихие люди», которые говорили «на великого князя, что хочеть его князь

¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 804, 814.

² Ермолинская летопись / ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 157.

³ Летопись Авраамки / ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. 208.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 50–61.

⁶ Летопись Авраамки. С. 208.

велики поимати». Но также «лихие люди» «навадиша на князя Ондреи великому князю»⁷. На встрече князя Андрея с великим князем и его матерью ему было сказано «крепкое... слово», что ему ничего не угрожает, и он был отпущен «въ его отчину съ великимъ потешениемъ»⁸. Но подозрения у князя Андрея не исчезли. Поэтому, когда он должен был явиться по призыву великого князя «для дела Казанского», он не явился, опасаясь ареста, и сослался на болезнь. Далее рассказывается, что князь Андрей решил бежать к Новгороду и в этом городе «засести». Он писал грамоты «къ великого князя г детемъ боярьскимъ помещикомъ да и по погостомъ посылать». Обращаясь к ним, он писал, что «князь великий малъ, а держать государство бояре, и вам у кого служити? и язъ вась радъ жаловати». По этим грамотам к нему отъезжали «иные дети боярские»⁹. Против князя Андрея были двинуты значительные силы во главе с князем Иваном Овчиной Оболенским. С ним князь Андрей вступил в переговоры, и князь Овчина в ходе переговоров ему «правду далъ», и с ним вместе «на Москву поехалъ»¹⁰. Но за эти переговоры и за данную князю Андрею «правду» на князя Ивана Овчину в Москве «словесную опалу великую положили», поскольку он на это не был уполномочен. Князя Андрея же «велели поимати и въ полату посадити, и тягость на него положили». В заключение повествования говорится о казнях, которым были подвергнуты бояре старицкого князя и «дети боярские великого князя помещики Наугородцкие»¹¹, которые перешли к князю Андрею.

Подчеркивая роль, которые сыграли в выступлении старицкого князя «лихие люди», летописец проводил мысль о том, что действовал князь Андрей на основании их ложных известий. Кроме того, упоминание о стремлении его «Новъгородъ засесть» обращалось к исторической памяти читателя ко временам династической войны, когда на завершающем ее этапе князь Дмитрий Шемяка также стремился закрепиться в Новгороде. Не должны были вызывать сочувствия казненные новгородские «дети боярские» и «помещики», поскольку они были великокняжескими людьми и перешли на сторону противника великокняжеской власти. Напротив, подчеркивается, что у великого князя и у Елены Глинской «на князя на Ондрея лиха въ сердци неть никоторого»¹², и только лишь прямое выступление этого князя заставило великокняжескую власть действовать против него. Уровень этого пространного повествования как литературного произведения в составе Никоновской летописи ниже, чем у кратких повествований Ермолинской летописи и Летописи Авраамки о гибели служилых людей князя Василия Ярославича. Это заметно из того, что оно в большей степени похоже на документальное повествование и не может вызвать эмоций читателя, как это характерно для литературного произведения и как это вызывалось краткими рассказами Ермолинской летописи и Летописи Авраамки.

В этом отношении оно не может идти в сравнение с произведением князя А. М. Курбского «История о великом князе московском», написанном в 1573 г. и сочитающим в себе черты документального повествования, художественности и яркой политической публицистики. В этом произведении единого событийного сюжета нет. В нем имеет место литературная обработка авторской политической идеи, согласно которой власть Ивана IV была не только тиранической, но и несправедливой с церковной точки зрения, а появилась такая власть не только вследствие козней дьявола, но и потому, что она произошла от столь же несправедливых предков Ивана Грозного,

⁷ Патриаршая, или Никоновская летопись / ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 91.

⁸ Там же. С. 92.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ Там же. С. 96.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Там же. С. 92.

великих князей московских. Вместе с тем он не исключал активного вмешательства дьявольских погусторонних сил. Поэтому общая политическая концепция Курбского сочетала в себе как черты средневекового представления о предопределенности исторических событий вмешательством свыше, которое могло быть как со стороны Бога, так и со стороны дьявола, и черты рационалистического, нового мышления, в котором ход истории ставился в зависимость от человека. Умелое использование Курбским художественных приемов позволяло этой теории приобрести яркое художественное оформление и поставило его «Историю» в ряд лучших произведений русской средневековой литературы.

Художественным приемом, который глубоко воздействовал на сознание и воображение читателя, было сравнение Ивана Грозного с новозаветным царем Иродом, в котором в средневековом христианском сознании воплощался образ кровавого царя. По словам Курбского, «Иоанново прелодобие» — это «Иродова лютость»¹³. В самом деле, Ирод «осквернил церковь, иерейство отнял». Так же сделал и Грозный, однако «иерейство» «не Иоанъна Крестителя, но Филиппа архиепископа». И если Ирод — это «мучитель граждан, воиновъ разбойник <...> друговъ спустошитль», то великий князь московский — «домовых грабитель и убийца», который совершал «всех святорусские земли с кроmeshники твоими спустошения»¹⁴. Упоминание об опричниках-кроmeshниках было взято из живой речи. Уже современники знали, что это слово обозначало самые темные силы зла, кроmeshную тьму¹⁵, и в этой связи также представляло сильный художественный прием, делавший образ опричника как злодея хорошо понятным и осязаемым русскому читателю.

Еще одним художественным приемом Курбского было противопоставление. Оно строилось на контрасте между Грозным и одним из наиболее ярких представителей знати, выдающимся полководцем, князем М. И. Воротынским, который также погиб по злой воле царя. Для полководца и победителя крымской Орды хана Девлет Гирея в 1572 г. князь находил самые возвышенные характеристики. Он, по его словам, «славный между княжаты русскими», «муж крепки, и мужественной, в полкоустроениях зело искусны». Царя же, бежавшего в 1572 г. при приближении хана в Новгород, он характеризовал в качестве «нашего хороняки и бегуна»¹⁶, используя экспрессивное существительное «бегун» в том же смысле, как в 1480 г. архиепископ Вассиан Рыло использовал его в отношении Ивана III¹⁷, думавшего об отступлении с Угры. Помимо упоминания об убиении М. И. Воротынского, Курбский приводит целый мартиролог княжат, погибших по повелению Грозного.

Курбский обвинял Ивана Грозного в очень тяжких грехах. Помимо убийства представителей высшей знати и бегства от хана вместо защиты своей столицы, он предъявлял ему обвинение в чародействе. Для Грозного связь с чародейством и колдовством была, по мнению Курбского, не случайна. Он отмечал, что еще Василий III в заботе о наследнике, «сам старъ будучи, искалъ черовников презлых отовсюду, да помогут

¹³ Курбский А. История о великом князе московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 320.

¹⁴ Там же. С. 322.

¹⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В. О. Сочинения в 8-ми т. М., 1957. Т. 2. С. 179.

¹⁶ Курбский А. История о великом князе московском. С. 336.

¹⁷ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. С. 880; Рудаков В. Н. Представление о зависимости от Орды в эпоху Стояния на Угре // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: мат-лы Всерос. с междунар. участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 308-309.

ему ко плодотворению». Грозный, по его словам, родился «за помощью ихъ от прескверныхъ семян, по произволению презлому, а не по естеству, от Бога вложенному». Поэтому неудивительно было, что рожденный таким образом царь «и Нерона презлаго превзыде лютостию и различными нисповедимыми сквернами»¹⁸. Он сравнивал царя с язычниками, поклонявшимися «пред Афродитовым болваномъ блудотворения и нечистоты» и «Бахусову ... поставленному болвану»¹⁹. Упоминание новозаветного образа царя Ирода и античных образов делало текст Курбского понятным и интересным образованному русскому читателю позднего средневековья. Такие сравнения позволяли еще более поднять интерес к содержанию произведения. Они делали еще более понятными характеристики Грозного, который сравнивался с этими известными образами, служившими в европейской культуре своего рода символами и эталонами, широко используемыми в литературе. Они позволяли воспринимать как единое целое обвинения царя в связи с чародеями и колдунами, в блуде и пьянстве и в кровавых злодеяниях, подобных тому, что творил император Нерон и царь Ирод.

Вместе с тем такой литературный ряд, восходящий к античным образам, давал Курбскому возможность для более убедительного обоснования его основной мысли, согласно которой Иван Грозный не мог называться христианским государем. Он утверждал и внедрял в сознание возможного русского читателя мысль, что Грозный был не кто иной, как «мучитель прелютый», воспринявший у языческих царей, «у мучителей древних различнаго орудия мучений». В самом деле, разве у него, задавал князь риторический вопрос, «не скавароды ли и печи», «не клещи ли раждежные»? Разве у него «не игол ли за ногти биение и резание по составом, не претрения ли вервми наполю не токмо муж, но и женъ благородныхъ, и другие бесчисленные и неслыханные роды мукъ»? Для самого Курбского прямая преемственность между античными императорами, тиранами-язычниками, образы которых были широко представлены в средневековой европейской литературе, и царем Иваном Грозным была очевидной.

Несомненно расхождение между произведением князя Курбского и теорией благой тирании, распространенной в европейской культуре со времени Н. Макиавелли, а свое литературное выражение получившей в разных вариантах повестей о Дракуле. Художественному образу тирана Дракулы, ради справедливости и искоренения зла использовавшего террор в управлении государством²⁰, Курбский противопоставил образ царя-тирана несправедливого, террор которого вызывался его личной прихотью. Яркий и сильный образ царя-тирана Ивана Грозного, созданный Курбским, соответствовал восприятию этого царя в странах Европы, о чем свидетельствуют изображения его в качестве лютого зверя на троне или впечатляющее изображение опричных казней. В произведении Курбского содержалась сильнейшая литературная антитеза теории благой тирании.

Примерно через сотню с четвертью лет после написания князем А. М. Курбским своей «Истории о великом князе московском» в русской общественной мысли появляется теория «Петр — царь-антихрист», которую сформулировал около 1700 г. Г. Талицкий и которая была воспринята некоторой частью общества уже после гибели Талицкого. Сочинения Талицкого до нас не дошли. Едва ли Талицкий был знаком с произведением князя Курбского о великом князе московском. Но идейное сходство между этим произведением и более поздними произведениями Талицкого с теорией царя-антихриста очевидно. После появления произведения Курбского подобная

¹⁸ Курбский А. История о великом князе московском. С. 340.

¹⁹ Там же. С. 394.

²⁰ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 108.

теория носилась в воздухе, а русское общество было готово к ее восприятию. И несомненно, что художественная форма и литературные достоинства произведения могли способствовать утверждению этой теории в России задолго до Петра I и Г. Талицкого. Своим произведением князь А. М. Курбский как бы завершал тему княжеских репрессий, получившую в русской литературе распространение со второй половины XV в., и открывал новую тему русской литературы и общественной мысли, тему самодержавной тирании и несправедливой власти царя, действия которой расходились с христианскими законами и установлениями.

Источники и литература

1. Ермолинская летопись / ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23.
2. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2 // *Ключевский В. О.* Сочинения в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2.
3. *Курбский А.* История о великом князе московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1986. С. 218-399.
4. Летопись Авраамки / ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16.
5. *Мильков В. В.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000.
6. Патриаршая, или Никоновская летопись / ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13.
7. *Рудаков В. Н.* Представление о зависимости от Орды в эпоху Стояния на Угре // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга) / отв. редакторы И. Н. Берговская, В. Д. Назаров. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017. С. 307-320.
8. *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960.